

МАРИЯ ГАЛИНА

Этот роман был написан в 1999-м, а издан в 2003 году в издательстве «Махаон». У них была серия фантастики «Зеленая Луна», потом она, естественно, закрылась. Не пошла. Тем не менее я благодарна издателям – я была «новым именем», а новые имена печатают мало и неохотно. У каждого автора есть вещи любимые, есть – менее любимые, и этот роман я считаю одной из своих удач. Любопытно, что так, кажется, считаю только я, а из читателей – критик Данила Давыдов и еще несколько хороших людей. Я предпочитаю верить им. На LiveLib отзывы на эту книгу довольно раздраженные. Слово бы ее не очень поняли, но чем-то она людей цапает. Мне кажется, это хорошая работа. «Твердая фантастика», а я редко пишу твердую фантастику.

Из-за того, что писала я ее очень давно, то делалось это в текстовом редакторе. Сейчас пришлось переформатировать в «Ворд», а заодно потребовалась некая чистка вручную, так как форматировать в автоматическом режиме я не умею. Волей-неволей пришлось ее перечитать, а заодно и внести некоторую редакторскую правку. А еще – по-прежнему убеждаюсь, что я люблю эту книгу. Она немножко наивная, местами пафосная, но я все равно ее люблю.

МАРИЯ ГАЛИНА
ВОЛЧЬЯ ЗВЕЗДА

**ЖАН
РЫ**
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г 15

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Иллюстрация на обложке – Владимир Манюхин

Компьютерный дизайн – Яна Половцева

Галина, Мария Семеновна.

Г 15 Волчья звезда: [фантастический роман] / Мария Галина. – Москва : АСТ, 2015. – 352 с.

ISBN 978-5-17-088227-4

Мечта стала явью. И обернулась кошмаром.

Человечество, преодолев множество препятствий, в конце концов вышло в космос. Но кто остался на Земле? И что случилось с теми, кто решил вернуться? Что делает человека человеком? Что делают с нами наши страхи и наши самые заветные желания? На эти вопросы герои книги ищут ответ в блистательных куполах Звездных людей, в заброшенном трансильванском замке, на стоянке дикарей-кочевников...

Перед нами – добротная научная фантастика, непринужденно включающая элементы фэнтези. Роман воспитания в постапокалиптическом антураже. Квест, свободно ныряющий в дебри философской антропологии.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Галина М.

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-088227-4

ПРОЛОГ 1

Мы, изнывая в душных городах, тщетно мечтали о неведомых дорогах, что простираются за горизонтом, покуда Нужда и Надежда не благословили наш путь, ссудив нам новую душу, иную, чем у Человека.

Р. Киплинг

Рихман опаздывал. Ковальчик посмотрел на часы — он любил эти часы, добротный швейцарский хронометр, потому что это была единственная его награда, на которую — он чувствовал — он имеет полное право. Остальные ордена и звания он получил за то, что по его приказу делали другие. Эту он заслужил сам.

Сзади, на платиновой крышке было выгравировано: «ЗА ХРАБРОСТЬ» и ниже:

«Международный союз астронавтов».

Он привел тогда корабль. Собственно говоря, он был единственным, кто вернул тогда корабль на Землю из долговременной экспедиции. Она длилась двадцать два года — по земному времени и пятнадцать — по судовому. Разницу съел старик Альберт.

Он привел корабль с восемью членами экипажа; меньше трети, но все равно неплохо. Еще за орбитой Марса их было одиннадцать, но двоих он собственно-ручно расстрелял на подходе к Базе, а еще один покончил с собой, бросившись на распределительный щит. Довольно неприятный способ самоубийства и утомительный — не так-

то просто снять крышку с распределительного щита на корабле, но этот как-то ухитрился. Выскребал его оттуда Ковальчик тоже собственноручно.

Вот об этом он никому не рассказывал... впрочем, кому надо, те и так знали — все было зафиксировано в бортовом журнале.

Все знали...

Вот тогда-то он и получил эти часы. И благодарность от правительства. И неплохой пост в МСА. И пенсию. И еще черт-те чего.

Потому что остальные корабли не вернулись.

Его отчет был единственным...

А он еще боялся военного трибунала, дурак... Когда он сидел в карантине, который полагал заодно и за следственный изолятор, и молоденький, с иголочки, лейтенант привел его перед ясные очи комиссии, он сгрыз ногти чуть не до локтей. А теперь он здесь...

Потому что тогда он вернулся. И написал отчет. И еще потому, что на Земле уже более полувека не было крупных войн — только локальные конфликты в странах Третьего мира, но это не в счет. И вся не-растраченная в больших и малых заварушках энергия человечества ушла на освоение дальних пространств...

Его корабль был третьим по счету и еще два корабля ушли с орбиты уже после того, как «Энтерпрайз» покинул пределы Солнечной системы. И ни один не вернулся.

Кроме его корабля. Кроме «Энтерпрайза».

Когда вошел Рихман, Ковальчик снова взглянул на часы.

Демонстративно.

Рихман опоздал на семь минут.

И даже не извинился.

И руки не подал — просто стоял и смотрел на Ковальчика. Во взгляде его читалась брезгливость — Ковальчик к этому привык.

— Я вам не нравлюсь, Рихман, верно? — равнодушно спросил он. Рихман ему тоже не нравился. Плевать — лишь бы от этого был хоть какой-то толк. Тем более, говорили — он лучший.

Рихман, нужно отдать ему должное, не стал отпираться.

— Естественно, — сказал он. — Что тут может нравиться... Вы насели на директора, он насел на меня... По своей воле меня бы здесь не было. Вы — маленький фюрер... Еще счастье, что у вас все-таки ограниченная власть.

Ковальчик пожал плечами.

— Власть у меня, кстати, практически неограниченная. В подведомственном мне Проекте. Бросьте, Рихман, вы же психолог... у вас, немцев, просто-напросто национальный комплекс вины... вам не нравятся жесткие методы...

— Какой там, к черту, комплекс? Я вчера весь вечер читал отчеты — вы утопили корабль в крови. У вас руки в крови, Ковальчик...

Ковальчик неторопливо приблизился к нему. Глаза у него были светлые, почти прозрачные, с черным ободком вокруг радужки.

Наверняка он все еще нравится женщинам, ни с того ни с сего мелькнуло в голове у Рихмана.

— Верно, — сказал Ковальчик, — я утопил корабль в крови. Иначе нельзя было. Я прошел через ад, Рихман. Я до сих пор ночью просыпаюсь в холодном поту... Я слышу их голоса...

Он твердыми пальцами взял Рихмана за подбородок и какое-то время молча смотрел ему в глаза, пока тот, не выдержав, не отвел взгляд.

— И я сделаю все, слышите — все! — чтобы больше не повторилось ничего подобного...

— Ваш проект — безумие...

Ковальчик усмехнулся, показав крепкие белые зубы.

— Безумие как раз по вашей части, Рихман, верно? Потому мы и вышли на вас...

— Я уже говорил это на совещании, скажу еще раз... эта методика опробована на отдельных больных... но уж никак не на целых группах...

— Но ведь вы не будете иметь дело с больными, Рихман. Вы будете иметь дело с астронавтами, а они очень здоровые люди... Потом... не так уж и велики эти группы... Человек по тридцать, не больше. Четыре экспериментальных экипажа...

— Я еще умею считать, — сухо сказал Рихман.

— А! — произнес Ковальчик. — Я понял! Вы из тех, кто считает, что космические полеты не нужны, верно? Пустая трата человеческого материала...

— Да... материала, — Рихман вложил в это слово всю возможную иронию, но, похоже, без толку — Ковальчик не понимал иронии. — К чему вообще такая судорожная активность? Еще немного, и многие вопросы решатся сами собой. Ваш проект никому не понадобится, потому что...

— Не пойму я вас, — произнес Ковальчик, пожав плечами, — с одной стороны насильственное вмешательство в психику вам претит... уж больно, мол, тонкие материи... с другой — вы, видно, из тех, кто тогда голосовал за Имморталии. А ведь это — покушение на самую природу человека...

— Это всего лишь общие слова, — заметил Рихман.

— Нет. Не общие слова... Вы не хуже меня знаете, что оба проекта — долговременные. И обоим правительству уделяет примерно равное внимание. И средства выделяет равные. Если вы откажетесь этим заниматься, что ж... мы найдем другого... поговорчивей... быть может, не такого специалиста именно в этой области, но поговорчивей... корабли все равно полетят, Рихман... Рано или поздно, но полетят. Так всегда было. Ныне и присно и во веки веков.

Он помолчал, потом открыл ящик стола; на столе, рядом с видео прямой связи с Президентом, отблескивая хромированным покрытием,

возвышалась модель «Энтерпрайза», и извлек оттуда старомодный кожаный бьювар с монограммой.

— Вот... — сказал он. — Возьмите. Там, внутри, компакт... мой личный дневник. Частный. Его никто не прослушивал, кроме комиссии. Я сам его не прослушивал... Не могу...

Он вновь помолчал.

— Никто из них, из тех, что вернулся, со мной не разговаривает... Никто из них ни разу даже не поглядел мне в глаза... Но если вы попытаете обвинить меня перед ними... я не ручаюсь за вашу шкуру, Рихман. Впрочем, они вам не расскажут о том, что было... никогда. Хотя в газеты все равно кое-что просочилось. Вы должны помнить. Это было лет пятнадцать назад... Меня тогда называли «Звездный палач». Что-то вроде этого... красиво... и глупо... читайте.

— Я не...

— Вы же не нарушаете никаких этических норм, Рихман. Ни профессиональных, ни просто человеческих... Никаких. Я сам передал вам его.

— Не в этом дело.

— Бойтесь?

— Ну чего мне бояться, Ковальчик...

— Ну не бойтесь, так брезгуете. Но ведь от того, что вы это откажетесь прослушать, ничего не изменится. Он же не испарится... События не повернут вспять. Вы ведете себя... глупо. Вам, профессионалу, представилась уникальная возможность познакомиться с поведением замкнутой группы людей в экстремальной ситуации, а вы наложили в штаны...

— Ладно, — сказал Рихман, — давайте. И пойдите к черту...

— Я знал, что так и будет, — довольно сказал Ковальчик. — В конце концов вы сломались. Все вы ломаетесь...

— Войдите, — сказал референт. Он и сам прошел следом за Ковальчиком в небольшой

бело-золотой кабинет. И остался стоять у входа. Это была почти приватная беседа — почти приватная, потому что совсем частных бесед в таком месте и в такое время не бывает.

Ковальчик вытянулся по струнке, чуть наклонив голову.

— Господин Президент!

— Да-да, — президент вежливо кивнул ему — он, хоть и вышел из-за стола навстречу Ковальчику, но стоял в непринужденной, почти вальяжной позе, потому что был человеком штатским. Он даже, вроде, собрался пожать Ковальчику руку, но потом передумал.

— Садитесь... Я читал вашу докладную записку, — сказал он. — Весьма впечатляет.

Это не требовало комментариев, и Ковальчик промолчал.

— И все-таки риск велик...

— Да, — согласился Ковальчик, — риск всегда есть. Но он не так уж велик. Во всяком случае, большая часть финансового риска ложится не на плечи государства.

— Синдикаты... — пробормотал Президент.

— Да. Крупные корпорации. Они-то могут себе позволить вкладывать деньги в долговременные проекты. Право на разработку недр и все такое. Сейчас это кажется утопией, но со временем... быть может, межзвездные перелеты станут обычным делом... рутинной. А у них уже все будет в кармане.

— Кто же намерен разрабатывать недра? Вы что, набрали команду из горных инженеров?

Не читал он докладной записки, подумал Ковальчик. В лучшем случае, просматривал. Должно быть, в основном ту часть, где речь шла о финансировании.

— Они умеют все, — сказал Ковальчик. — Но дело не в этом. В худшем случае они не вернуться... тогда корпорации могут проститься со своими средствами. Промежуточный вариант предпо-

лагает, что они все же вернутся — с пробами грунта, с биопробами...

Он замолчал.

Президент поощрил его кивком головы.

— В лучшем случае, они тоже не вернутся. Если условия, благоприятные для жизни. Этот шанс невелик, но он все же есть...

— Какова численность экипажа?

— Стандартная — тридцать человек.

— Да, — кивнул Президент, — они ведь повезут эмбрионы.

«Все-таки читал...» — подумал Ковальчик.

— Если ситуация будет благоприятной, эмбрионы иницируют. А эти тридцать... станут патриархами. Учителями. Возможно... нам впервые удастся создать действительно жизнеспособное общество.

— Ага! — сказал президент. — Рихман!

— Вы не слишком-то увлеклись этой идеей.

— В общем, да, — согласился Президент.

— И все-таки поддержали меня.

Президент вздохнул.

— Насколько я понял, ваши люди — добровольцы.

— Да, — согласился Ковальчик, — все до единого.

— Что ж... надеюсь, это сработает. Другого выхода все равно нет, верно? Но интересно, почему Сириус?

— Двойная звезда. По теории Дюваля жизнь зародилась в приливно-отливной зоне. А солнце-спутник может оказывать на планеты примерно то же воздействие, что и крупные планетные спутники... При условии стабильных планетных орбит, разумеется... Но «Энтерпрайз» привез данные... снимки из глубокого космоса... спектральные анализы... Похоже, на одной из планет системы Сириус отмечены спектральные линии водорода и кислорода... А это значит...

— Жизнь, — сказал Президент.

— Возможно. Ответ, как вы знаете, мы получим нескоро. Возможно, не получим совсем. Во всяком случае, я уже не узнаю, увенчался ли

эксперимент успехом... Даже при нынешних полетных скоростях и нынешней медицине...

Президент молчал. Он смотрел в пол, и Ковальчик понял.

— Вы подписались на обработку в Имморталии!

Референт пошевелился у него за спиной.

— Ковальчик, — холодно произнес президент, — это не ваше дело.

— Прошу прощения, господин Президент, — сказал Ковальчик, — просто... человек смертен... так положил Господь. Я понимаю, соблазн велик, но это только... соблазн. И что случится с человеком, когда он обретет телесное бессмертие? Кто может это знать?

— Кто может знать, что случится с человеком, если он откажется от своей человеческой сущности? — спросил президент. — Пусть даже во имя великой цели?

— Он откажется от худшей своей половины, — сказал Ковальчик. — Он не будет знать страха... приступов беспричинной ярости... ненависти к ближнему только потому, что ближний этот — иной. Не такой, как ты. И общество своих соплеменников, запертых в тесноте звездного корабля, не сведет его с ума.

— Надеюсь, — рассеянно сказал Президент. Он кашлянул, и референт тут же неслышно приблизился к Ковальчику.

Обученный малый, подумал тот.

Он сдвинул каблуки и резко, по-военному поклонился.

— Я могу продолжать? — спросил он.

— Да, — сказал президент, — да. Разумеется.

— Я прослушал ваш дневник, — сказал Рихман. — Во всяком случае, ту часть, которую... смог прослушать.

— Что ж... — ответил Ковальчик. — Хорошо.

— Я... прошу прощения.

— Мне не нужны ваши извинения. Мне нужны ваши соображения.

— Они должны были свернуть программу.

— Они и свернули...

— А теперь — возобновили...

— Да... теперь — возобновили. Они никогда не закроют Программу. Это естественно. Я не говорю уже о соображениях политических... экономических... об игре интересов... просто, это естественно... человечеству, как любому биологическому виду, присуща тяга к расширению ареала. Мы называем ее духом поиска... стремлением к познанию... все такое. Но это всего лишь биология. Я говорил вчера с Президентом. Он дал добро. Полный карт-бланш. Так что дело за вами, Рихман.

— Хорошо, — сказал Рихман. — Хорошо... Я попробую.

— Я сделал упор, скажем так, на культуроцентричность, — сказал Рихман. — На вечные ценности.

— Ясно, — ответил Ковальчик.

Здесь, в стенах Института Мозга, среди приборов и деловитых людей в бледно-зеленых халатах, он казался на своем месте. Он везде казался на своем месте.

— Я все же рассчитывал на долговременную программу. На колонизацию. Мы снабдим их очень хорошим архивом — литература, живопись, музыка... исторические справочники... все это займет не так уж много места.

— Верно. Тем более, что им, возможно, придется обучать подрастающее поколение.

Ковальчик посмотрел на человека, сидящего в глубоком кресле. Лицо у него было скрыто под глубоким шлемом. Он сидел неподвижно, положив на колени раскрытые ладони.

— Как они это восприняли?

— По-моему, хорошо, — ответил Рихман. — Если судить по тестам, во всяком случае. Толерантность возросла на порядок.

— Но они смогут делать свое дело?

— О, да. Это не повлияет на уровень интеллекта.

— А если они встретят агрессивные формы жизни? Что тогда? Они смогут противостоять им?

— Они скорее ксенофилы, чем ксенофобы, — сказал Рихман. — Но все же... полагаю, да. Не думаю, что их миролюбие будет простираться столь далеко.

— Мы все-таки постарались максимально обеспечить их безопасность, — заметил Ковальчик. — Агрегаты защитного поля... дорогая штука и на земле почти бесполезная... но там пригодится. Потом, синтезаторы...

— Аппараты молекулярного синтеза?

— Да. Умеют почти все... кроме превращения одних элементов в другие. Так что... по крайней мере на первое время биологические потребности мы им обеспечим.

— А за остальное отвечаю я...

— Да. За остальное отвечаете вы.

Человек в кресле пошевелился. Рихман взглянул на бегущие по экрану энцефалографа волны и вновь обернулся к Ковальчику.

— Все идет по плану, — сказал он.

— Вот вы говорите, — любопытствовал Ковальчик, — что загрузили архивы всякой там классикой...

— Да. И не только классикой. Возможно, им понадобится детская литература. Учебники. Справочники.

— Но ведь если вдуматься... вся классика... даже детская... сплошная апология убийства.

— Да, — согласился Рихман. — Но тут возникает некий парадокс. Они цитируют «Илиаду» и им в голову не приходит, что при этом они наслаждаются чужой жестокостью. Мозг сам справляется с противоречием. Полагаю, просто отметая ненужные сомнения. Слишком абстрактно, чтобы принимать все за чистую монету. Должно быть, со временем они будут полагать, что вся земная история — просто красивая выдумка. Или преувеличение.

Он наклонился над креслом и отключил прибор. Потом ослабил зажимы, и человек в кресле вновь пошевелился, осторожно выскальзывая из-под шлема.

— Добрый день, Командор, — сказал он, увидев Ковальчика.

— Добрый день, Теренс. Как самочувствие?

Тот чуть поморщился.

— В голове гудит...

— Ничего... Это побочный эффект.

— Вы уверены, что при этом что-то происходит? — спросил Теренс. — Я ничего не замечаю.

Ковальчик вопросительно взглянул на Рихмана. Тот пожал плечами.

— Не жалеете, что вызвались добровольцем, Теренс? — спросил он, обернувшись к испытуемому.

— Что вы, доктор, — сказал Теренс, — это большая честь. Я только сомневаюсь — достоин ли я быть представителем человечества? Я понимаю, я должен стараться... последнее время я много читал... думал... На нас лежит огромная ответственность.

— Мы выбрали лучших, — сказал Ковальчик.

— Я постараюсь оправдать ваше доверие, Командор. Мы все постараемся. Вчера я перечитывал Тейяра де Шардена... и мне пришло в голову...

— Потом, Теренс, — мягко сказал Ковальчик, — я слушаю вас позднее.

— Простите, Командор.

Ковальчик пошел прочь, сопровождаемый Рихманом, который еле поспевал за ним. Уже за дверью он обернулся и тихонько сказал:

— Я рад, что не лечу с ними. Это не для меня.